

Божьей славы. Необходимо знать, что эта твердь есть высшее небо, объемлющее все тела, тогда как его никто не объемлет; на нем все тела находятся в движении, в то время как оно само остается в состоянии вечного покоя и сила его не зависит ни от одной телесной субстанции. И оно называется Эмпиреем, и это то же самое, что небо, охваченное огнем или пламенем, но не материальным, а духовным, каким является святая любовь или милосердие.

В подтверждение того, что оно получает больше всего Божественного света, можно привести два аргумента. Первый – в подтверждение того, что оно объемлет все и ничем не объемлемо; второй – в подтверждение его вечного покоя или мира. Аргумент первый: объемлющее является таковым по отношению к объемлемому, как формирующее по отношению к формируемому, о чем свидетельствует четвертая книга «Физики». Во Вселенной первое небо есть то, что объемлет все, следовательно, оно по отношению ко всему является тем же, чем является формирующее по отношению к формируемому, иначе говоря, выступает в роли причины. И коль скоро всякая причинная сила есть некий луч, исходящий от первопричины, каковая – Бог, очевидно, что это небо, у которого больше причинных свойств, получает больше Божественного света. Что касается второго аргумента, то он заключается в следующем: все движущееся приводится в движение чем-то, чего само оно лишено и что является целью его движения; так, например, небо Луны, поскольку некая его часть не достигла цели, к которой оно стремится, и поскольку ни одна из его частей не достигла какого-нибудь предела (достичь которого она, в сущности, никогда и не может), – оно движется, стремясь к иному положению, которое также находится в вечном движении, что и соответствует желанию этого неба. И то, что я говорю о небе Луны, относится и ко всем остальным, исключая первое. Таким образом, все движущееся имеет какой-то изъян, и не вся его сущность сосредоточена в нем самом. Небо же, которое никем не приводится в движение, заключает в себе самом и в любой своей части все то, что может находиться в степени совершенства, так что при своем совершенстве не нуждается в двигателе. И коль скоро всякое совершенство есть луч первопричины, обладающей высшей степенью совершенства, очевидно, что первое небо больше получает света от первопричины, каковой является Бог. Однако этот аргумент выглядит отрицающим предыдущее, ибо он не является простым и отвечающим форме antecedента (предшествующего) подтверждением; но если иметь в виду его материю, она является хорошим доводом, ибо речь идет о таком вечном предмете, который мог бы увековечить в себе недостаток. И если Бог не придал ему движения, становится очевидным, что Он не дал ему и сколько-нибудь несовершенной материи. И, согласно данному предположению, аргумент остается в силе с точки зрения материи; подобным способом аргументации были бы слова: если он человек, он способен смеяться; ибо во всех обратимых суждениях такого рода довод имеет силу благодаря содержанию. Следовательно, ясно, что, когда автор говорит: «В тверди... где свет их восприят всего полней», он имеет в виду рай, или же Эмпирей.

Приведенным выше доводам созвучны слова Философа в первой книге «О небе», где он говорит, что небо «обладает материей настолько отличной от материи всего, что стоит ниже его, насколько оно далеко от вещей, здесь находящихся». К этому можно было бы присовокупить слова Апостола о Христе, обращенные к ефесянам: «Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все»; и это – небо Божественных прелестей, о которых Иезекииль сказал Люциферу: «Ты знак подобья, печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме, среди прелестей сада Божьего».

Поведав о том, что он побывал в этом месте рая, автор продолжает рассказ, утверждая, что «вел бы речь напрасно. О виденном вернувшийся назад». И объясняет причину: «...близясь к чаемому страстно», то есть к Богу, «наш ум к такой нисходит глубине. Что память вслед за ним идти не властна». Чтобы понять это, нужно знать, что в данной жизни человеческий ум по причине единой природы и общности с умственной субстанцией, находящейся отдельно от него, когда он поднимается, поднимается настолько, что память после его возвращения слабеет, ибо он превысил человеческие возможности. Это подсказано мне словами обращения Апостола к коринфянам: «Знаю о таком человеке – только не знаю, в теле или вне тела: Бог знает, – что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать». Вот почему, превзойдя возвышением разума человеческие возможности, автор не помнил того, что происходило вне его. Это же подсказано Матфеем, когда он повествует о том, как три ученика пали ниц на землю, не умея потом ничего рассказать, ибо обо всем забыли. И у Иезекииля написано: «Увидев это, я пал на лицо свое».